

ВАЛЕРИЙ МИРОШНИКОВ

Жизнь и смех вольного философа Ландауна. Том 1

КОГДА ЭТО БЫЛО!

Валерий Мирошников

**Жизнь и смех вольного философа
Ландауна. Том 1. Когда это было!**

«Издательские решения»

Мирошников В.

Жизнь и смех вольного философа Ландауна. Том 1. Когда это было! / В. Мирошников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830321-0

Род Ландаунов происходит из казаков, поэтому он всегда рубит правду-матку шашкой наголо и невзирая на лица. Есть у него и примесь еврейской крови, от евреев у него лысина и длинный язык. От коммунистов Ландауну достались ум, честь и совесть, от либералов — наивность и неприязнь к коммунистам, от татар — привычка ходить в гости без приглашения, от детей — вера в чудеса. Разумеется, при такой гремучей смеси в крови он постоянно попадает во всякие истории.

ISBN 978-5-44-830321-0

© Мирошников В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие,	6
Мимо шёл Ландаун	8
Странности мировой экономики	8
История российского менеджмента	9
Паулюс и несправедливость	10
Одиночество и пресса	11
Кошка и свобода	12
Будет вам, Ландаун!	13
Принципы и Шизофрения	13
В чём мы нуждаемся больше всего?	14
Секретные материалы	15
Собака наоборот	16
Счастливый билет	17
Ландаун на рынке труда	18
Экономика Ландаунов	20
Тренировка	21
Ландаун и Демографический кризис	23
1. Призрачная угроза	24
2. Атака клонов	25
3. Новая надежда	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Жизнь и смех вольного
философа Ландауна. Том 1
Когда это было!
Валерий Мирошников**

© Валерий Мирошников, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие, оно же Введение, заменяющее Пролог

Сегодня, когда наш друг Ландаун уже покинул нас и отправился в свое необыкновенное путешествие, про которое даже неизвестно, есть ли возможность из него вернуться в наше родное пространство и время – да, именно сегодня все те забавные проделки, которыми так славился наш вольный философ, приобретают совсем иной смысл и значение. Они уже не могут рассматриваться каждая сама по себе, но образуют некую взаимосвязанную систему, характеризуют процесс становления его как личности и как мыслителя, определяя цепочку событий, ведущих к мигу решительному и необратимому.

И с этой точки зрения праздный, казалось бы, вопрос о его происхождении, которому мы в своей компании никогда не придавали значения, а наоборот всячески замазывали шутками и двусмысленностями, выходит вдруг на первый план и ставится ребром. О, нет, история сохранила для потомков его родословную, и сам он немало сделал для возрождения своей родовой памяти, но происхождение его физического тела совершенно не проясняет того, как возникло само его диковинное мировоззрение, этот невиданный метод около-логических умозаключений, а также та сила и величие духа, которые позволяли созерцанию действительности становиться воздействием на нее.

Самое простое и доступное объяснение появлению среди нас Ландауна таково, что каждому времени – свой философ, подобно тому как каждому овощу – свою грядку. Вряд ли оно нас может удовлетворить, ведь потребность в данном типе мирозерцания была очевидна уже несколько веков, если не сказать тысячелетий, но личности, соответствующей масштабом Соломону, Емеле или Ивану-дураку, увы, не появлялось. Не проявилась она и в нас, друзьях Ландауна, хотя, смею сказать, мы понимали его куда лучше паркетных академических философов.

Колян Кондратьев со свойственной ему прямоотой отстаивал точку зрения, что Ландаун – это всего лишь шут гороховый, рыба на безрыбье, лишь самый умный из дураков, Ландаун среди даунов, но поскольку вся наша компания почти без троек закончила неполную среднюю школу, то нас эта гипотеза устроить, конечно, не могла. Кроме того, она не объясняла ту удивительную плодотворность каждой методологической посылки нашего доморожденного (в экзистенциальном смысле) философа и необъятную широту его интересов – от проблем открывания консервных банок без ножа до столь популярной в наше время демонологии.

Поэтому я под давлением последних открывшихся обстоятельств все больше склоняюсь разделить мнение Валерия Ланина, что Ландаун – это сгущение и персонификация самого Духа философствования, даже возможно более чистое, чем воплощал собой Мартин Хайдеггер. В терминологии дзен этот Дух можно было назвать Дао, в академических институтах про него сказали бы «черт знает что». С последним термином, я думаю, согласился бы и сам Ландаун.

Учитывая все вышесказанное, я буду не только знакомить вас последовательно со своими записями, связанными с вольным философом Ландауном, но и по мере возможностей пытаться вместе с вами осмыслить их историческое значение и метафизический смысл. Начинаются они замысловатой калейдоскопической россыпью разнообразных случаев (каюсь, все связано с той же недооценкой мной, молодым тогда инженером, важности происходящего на моих глазах), но постепенно узор складывается в устойчивую мозаику, которая уже показывает целостность мировоззрения моего друга, ставшего к тому времени, благодаря Интернет, подлинно фольклорным типажом.

В этой книге вы не найдете шуток ниже пояса, потому что самое смешное, как и самое трагичное, у людей находится в голове. «Смех – это внутренняя свобода», – именно это мудрое изречение древних вело по жизни вольного философа Ландауна. Я надеюсь, что и вас тоже.

Мимо шёл Ландаун

Странности мировой экономики

В телевизоре шестеро политологов обсуждали глобальные проблемы.

– В США (а, следовательно, и во всём мире) реально присутствуют в экономике только 20% населения. Остальные – это как бы люди третьего сорта. Они заняты, чтобы быть заняты. Если их изъять, экономический механизм будет продолжать функционировать.

– Ребята, – постучал Ландаун по телевизору, – моя соседка по даче, баба Валя – она живёт в саду летом, и от сада зимой. И ещё дочку с зятем прикармливает, да со внуками. Вот если изъять из мира всех на свете политологов, меня, президентов Обаму, Медведева и Саркози со всем госаппаратом, армией и электричеством, – она без нас проживёт. Значит ли это, что мы люди третьего сорта?

– Мне кажется, – заметил ведущий, – что в этом контексте само понятие глобальности оказалось несколько ущербным. Если глобальность не включает бабу Валю – выходит, она не глобальна?

Никто ему не ответил.

А баба Валя ругалась с дочерью:

– Лучше я им сказки буду рассказывать, чем эти мультики смотреть.

– И чем твои сказки лучше?

– Американцы сначала убивали индейцев, так?

– Так.

– Но всех не убьёшь. Потом они их спаивали, так?

– Так.

– Но не все спились. Тогда американцы решили их просвещать. Их сказки и мифы объявили вымыслом, свою веру и науку – правдой. И индейцы вымерли.

Баба Валя была раньше директором школы, и переспорить её было трудно.

– Так вот запомни: Римская империя рухнула, Российская империя рухнула, Интернет пройдёт, глобализм пройдёт, антиглобализм пройдёт, а домик в саду стоять будет.

История российского менеджмента

Еще на излете 90-х редактор экономического отдела еженедельника «Власть – всласть» М.М.Марчендайзер обратилась к Ландауну:

– Нужен хороший образ, отражающий историю становления российского менеджмента.

Ландаун ответил раньше, чем успел подумать:

– У нас в деревне кошка котят родила.

– Причём тут твоя кошка?

– Ещё не знаю, слушай дальше. Ну, и ушла там по своим кошачьим делам. А котята слепые, маленькие, беспомощные. Тычутся из угла в угол, пищат, что делать не знают. Потом кошка вернулась, и все они – кто раньше, кто позже – титьку нашли, присосались и успокоились.

– Угм. Котята – это, стало быть, менеджмент. А кошка...

– Это система, из которой все они вышли, и без которой шагу пока ступить не могут.

– Довольно пессимистичную картинку нарисовал.

– Почему пессимистичную? Котята вырастут, прозреют, начнут самостоятельно охотиться. Другое дело, что все они останутся плоть от плоти. Ну, что помог я тебе?

– Нет.

Марчендайзер отправилась искать другой образ, а Ландаун – другого редактора.

Паулюс и несправедливость

Еще до того, как с Запада пришла к нам мода считать Россию агрессором во 2-й мировой войне, Хабибуллин сокрушался:

– Замалчивают славное прошлое татарского народа! На днях по 1-му каналу показывали передачу про Сталинградскую битву. Дошли до пленения Паулюса – ну, думаю, теперь-то скажут – ведь Паулюса пленил полковник Сафиуллин. Нет, замолчали!

А мимо шёл Ландаун:

– Да вы ещё не всю правду знаете про замалчивание! Самым первым Паулюса схватил за шкуру рядовой Крячко! Он передал его сержанту Аванесову, который пинком послал фельдмаршала к капитану Ибаррури. И уже полковник Сафиуллин отправил его к генералу Рокоссовскому, о чём было доложено товарищу Джугашвили.

– Так здесь же нет ни одного русского! – воскликнул Хабибуллин.

– В том-то и дело! – хмыкнул Ландаун, – А Черчилль поздравил с победой русскую армию.

– Я думаю, это был тонкий английский юмор.

Одиночество и пресса

Человек читал газету в автобусе.

«Зачем?» – подумал Ландаун.

«Жалко время терять!» – подумал человек.

«А мне жалко поездку в автобусе тратить на чтение прессы», – ответил Ландаун.

«А что в этой поездке хорошего?»

«Это редкий момент, когда ты предоставлен сам себе. Когда никому от тебя ничего не надо, и сам ты себя не заставляешь ничего делать. В этот момент ты свободен даже от себя».

«В самом деле? – подумал человек и свернул газету, – А почему же мы так боимся остаться наедине с собой? Едва уйдут гости – включаем телевизор. Выйдя от любовницы – бежим к жене. Остановив машину – разворачиваем газету. Что такого страшного в нас, чего мы сами в себе не переносим?»

«Не знаю, – ответил Ландаун, – я над этим не задумывался».

Кошка и свобода

Кошка бежала по улице, но внезапно остановилась и побежала назад.

«Еклмн! – удивился Ландаун. – Ведь не забыла же она ключи от дома».

Кошка скрылась за углом. Ландаун бросился за ней, чтобы посмотреть, чем она там занимается. Но кошки уже не было видно.

«Что бы ни вело кошку вперёд – запах, звук, любой внешний раздражитель – он изменяется непрерывно, и не мог развернуть её сразу в обратную сторону. Значит, у кошки есть внутренние мотивы, есть внутренний мир. Она не автомат. Здорово!» – вдруг обрадовался он.

«А человек? Часто ли он может позволить себе повернуть в произвольном направлении? Ох, нечасто. Наши социальные роли – начальника, мужа, друга, прохожего – нам этого просто так не позволяют».

Ландаун повернулся в обратную сторону. Но, поскольку он никуда и не шёл, этот поворот ничего не значил.

Прочитав эту главу, Валерий Ланин покачал головой

– Это еще не Ландаун! Где философия? Где движение к истине? Название главы хорошее «Мимо шел...» Вот все и мимо – мимо Ландауна, мимо философа, мимо жизни. Смех местами есть, это не спорю. Но и только.

– А вот тут я с тобой не соглашусь! – заявил Колян Кондратьев. – Если есть смех – есть Ландаун. Смех для него – не украшение и внешние финтифлюшки. Смех Ландауна – это его взгляд на мир. Смехом он проверяет на прочность любое утверждение, а порой и само мироздание.

– А помните, как он доказал, что смех – производительная сила? – вступил в разговор я.

– Ну-ка, ну-ка! – заинтересовался Ланин.

– Неужели не помните, Валерий Васильевич? Или вас тогда с нами не было?

– Не было, не было, – проворчал Колян – мы втроем ездили. Ты, я и Ландаун. На Глубокое, по-моему, катались, на лебца.

– Ну и что было? Что? – приставал Ланин.

– Что-что! Пospорили – есть ли от смеха материальная польза кому-нибудь, кроме пародистов с телевидения? И Ландаун давай травить анекдоты, все удочки побросали, весь берег сбегался. Хохот взрывами. Децибел 120.

– И что?

– А посреди гулянки он и говорит: «А теперь пошли рыбу глушенную собирать!»

– И собрали?

– Двух ершей. Но, может, они и не от того всплыли

– А от чего?

– Кто ж их знает! Ландаун их отпустил – сказал: «Как вы будете их есть – они же наши научные сотрудники».

– То есть эксперимент результата не дал?

– Как это не дал? Весь народ вернулся по домам, рыбы нет, а жены спрашивают – вы откуда это такие? Все без рыбы и трезвые. Подозревали, что в секту попали. В общем, теперь рыбаки считают, что Ландаун на рыбалке – плохая примета, на Глубокое ему больше хода нет.

Будет вам, Ландаун!

Принципы и Шизофрения

«Надо отстаивать свои принципы!» – подумал Ландаун.

«А зачем человеку такие принципы, которые надо отстаивать?» – отозвался кто-то внутри него.

«Ого! – подумал Ландаун, – Похоже, это Шизофрения».

А Шизофрения продолжала:

«В словосочетании „свои принципы“ принципиально только слово „свой“. Ибо принципы меняются по мере взросления человека, полового созревания, продвижения по службе, изменения финансового положения и т. д. Но убеждение в своей правоте – это самая хроническая из человеческих болезней».

«И что же теперь – обходиться без принципов? Или принимать принципы чужие?»

«Чужие принципы ничуть не лучше – они же все равно для кого-то свои. Почему бы не завести принципы, которые отстаивать не надо?»

«Да бывают ли такие?» – усомнился Ландаун.

«Например, если твой принцип гласит, что небо голубое, то кто станет с тобой спорить, а тем более драться?»

«И какой прок от такого принципа? Только Шизофрения могла до этого додуматься».

«А какой прок от других?» – Шизофрения обиделась и замолчала.

А Ландауну стало грустно.

В чём мы нуждаемся больше всего?

.Понедельник – день традиционно тяжёлый, даже для тех, кто принципиально не употребляет спиртное. Сама мысль о необходимости идти на работу делает ноги ватными, а голову тяжелой. Поэтому, встретив Вахита Шарипова, Ландаун не отличался разговорчивостью, но Шарипов справился и сам.

– Проведи сейчас опрос на тему, в чём и в ком страна нуждается больше всего...

(«*Неужели в советах Вахита Шарипова?*» – от этой мысли Ландауна качнуло)

– ...что угодно назовут, но не сердцевину российских бед...

(«*Пить надо меньше*», – поддержал мысль Ландаун)

– ...нехватку профессиональных менеджеров.

(Ландаун удивился и начал прислушиваться)

– ...Но дело в том, что старая номенклатура, как не умела руководить, так и не научилась, а менеджеры, проходившие выучку за рубежом, не подходят для российской действительности...

(«*Это тупик!*» – почувствовал Ландаун)

– ...Для управленцев нового поколения и новой формации нужна новая действительность без поборов и чиновничьего произвола, а так же массовый средний класс собственников и предпринимателей.

«*Не будь поборов и чиновничьего произвола – мы и без менеджеров проживём*», – легкомысленно заключил Ландаун и тут же устыдился своего легкомыслия и спросил:

– А где же мы возьмём новых менеджеров? Если своих нет, а за границей не выучить – мы их родим, что ли?

– Ты, что ли, с дуба рухнул? – вскричал Вахит Шарипов, – Я тебе серьезные вещи говорю.

Но Ландауна уже понесло:

– Точно! Мы их родим, мы выведем новую породу менеджеров! Я сам займусь этим вопросом. Скрестим марчендайзера с имиджмейкерицей и промоутерицу с супервайзером. Сейчас же организуем отлов. Но свежая провинциальная кровь не помешает. Это придётся самому. Жена простит, всё-таки государственный интерес...

Вахит Шарипов махнул рукой и хотел уйти, но Ландаун уже вцепился ему в хлястик мёртвой хваткой бульдога.

– ...Поскольку учить их бесполезно, сделаем ставку на смыслённость и умение ориентироваться в нестандартных ситуациях. Только...

Вахит Шарипов вырвался и ушёл.

– ...Только что же делать, чтобы мои маленькие менеджерчики не тянули одеяло на себя, а представляли интересы народа? Они должны тяготиться властью, богатством, славой. Есть два вида людей, которые самодостаточны и не хотят быть никем другим: крестьяне и учёные, точнее исследователи. Значит, ребятишек надо выпустить на землю и дать исследовать мир, дать взрасти без влияния социума, самоорганизоваться в новое общество.

– Только ударившись головой можно вообразить такое! – это вернулся Вахит Шарипов. – Будет вам, Ландаун!

– И то верно, – вздохнул Ландаун. – Вырастим мы новых менеджеров, а куда денем старых? Неужто снова Ноев потоп?

Секретные материалы

Когда Валерий Ланин был большим начальником, он предложил Ландауну возглавить одно из подразделений своей конторы. Ландаун, не долго думая, согласился.

– Пойдём, отметим назначение? – подмигнул он товарищу.

– Извини, не могу. Времени нет. Сейчас совещание, потом договор подписываем, потом...

– Понял, понял. А завтра?

– Знаешь, с утра планёрка, до обеда надо успеть в администрацию...

– Слушай, я одного не пойму, – удивился Ландаун, – у тебя столько подчинённых, почему у тебя никогда нет времени?

– Некогда над этим задумываться. Побегал. Приходи завтра на работу.

«Всё-таки странно», – озадачился Ландаун после ухода Ланина. Он вспомнил старую шутку: «Если вы всё время работаете, когда же вы думаете?» И философскую мудрость вспомнил: «Не доверяйте людям, у которых не хватает времени». Как же так? Лучшие люди страны поставлены в такие условия, когда им некогда думать, когда им нельзя доверять. «Поражу пастыря, и паства рассеется» – так, кажется, в Евангелии?

«Да, – решил Ландаун, – преступление здесь налицо. Но кому оно выгодно?»

Кому выгодно, что мы проводим часы в приёмных, а дни и недели в беготне за справками, разрешениями, согласованиями? Кому выгодно так регламентировать любой пустяк, что нужен отдельный специалист для ублажения регламента?

«ОНИ крадут наше время! – понял Ландаун, – Система направлена именно на поглощение времени, и не чиновники её создали. Чиновники просто живут в ней. Но кто такие ОНИ?»

Ландаун взял трубку и позвонил Ланину:

– Я не приду. Бери другого человека. Мне надо кое с чем разобраться...

Собака наоборот

Женщина гуляла с собакой, а Ландаун, сидя на скамейке, думал: «Как же так? Мы заводим собаку, чтобы она любила нас, а за эту любовь освобождаем от всех мирских забот – добываем ей пищу, кормим, поим, гулять выводим для отправления естественных надобностей, даже половых партнёров находим по объявлениям. И при всём том считаем, что человек – венец творенья, царь природы и т. д. Да ведь тогда всё наоборот должно быть: за любовь царскую животные его холить и лелеять должны, как детёнышей своих. Если Бог мир сотворил и человека в нём царствовать назначил – так всё должно быть».

И пошёл Ландаун со своей мыслью к биологам-звероведам. И наехали на него биологи:

– А ты есть станешь то, чем волки своих детёнышей кормят?

– А чем белки? – возразил Ландаун.

И пошёл он к детям, и сказали ему дети:

– Нам машинку отец дал – она ездила, а мы разобрали – она ездить перестала.

Ландаун подумал: «Ого! Значит, мы испортили тот мир, что вручил нам Творец, поэтому и всё наоборот получается. Какую же деталь мы сломали? Наверно, самую важную».

И пошёл он к собаке – может, она знает, что испортилось в мире. А собака поглядела на него с такой любовью, что он понял: «Человек испортился. Если бы я с такой любовью на жену глядел – она бы души во мне не чаяла. Если бы на детей – дети были бы счастливы. А любое дерево дарило бы мне тень и уют. А звёзды предсказывали только удачные дни...»

Счастливый билет

Сын Ландауна (что характерно – тоже Ландаун) ехал в трамвае с другом, а тот купил билет за номером 234836. Посчитал:

– $2+3+4=9$ и $8+3+6=17$. Несчастливый!

– А если перемножить? – взял билет Ландаун. – $2\cdot3\cdot4=24$ и $8\cdot3\cdot6=144$. Несчастливый!

– А если взять чётные и нечётные? – выхватил билет друг. – $2+4+3=9$ и $3+8+6=17$. Опять несчастливый!

– А можно мне? – сказала рядом стоящая девушка. – Вот же. Если взять чётные и нечётные и из крайних вычесть средние. $2-4+3=1$ и $3-8+6=1$. Счастливый!

– А я думал, – сказал Ландаун, – $(\log_2 4)^3=8$ и $\sqrt[3]{8}+6=8$. – И тут он заметил, что у девушки волосы светлые до плеч, а глаза голубые и смеющиеся. – Счастливый!

Ландаун на рынке труда

Пошёл Ландаун на колхозный рынок за капустой, а попал на рынок труда. А там капусты нет, только вакансии и очередь в центр занятости. И стоят в ней Карл Маркс и Егор Гайдар и спорят.

Маркс говорит:

– Обмен на рынке труда неэквивалентный. Труд покупают дешевле, чем стоит произведённая им продукция, только поэтому и возникает прибавочная стоимость. Это и есть эксплуатация!

А Гайдар отвечает:

– Нет никакой эксплуатации! Рабочая сила – такой же товар, как и все остальные. Подписал работник трудовой договор – продано. А за сколько он её продал – его личное дело, он свободный человек. И если капиталисту большая часть досталась – значит, так высоко работник ценит его услуги по собственному найму.

Покойники не устают, но и аргументов не понимают, поэтому они ещё долго спорили. А Ландаун без капусты вернулся домой и, пока жена ругалась, думал: «Они оба ошибаются, потому что заикнулись на рынке, на обмене. А новое (даже прибавочная стоимость) возникает не в результате обмена. Можно сказать, что мужчина сделал в женщину вклад, а она вернула через 9 месяцев с процентами. Но ведь она не просто больше вернула, а что-то принципиально новое, не бывшее. Рождение ребёнка – это не обмен, а со-трудничество, со-творение. В этом смысл жизни – в совместном творении и любовании сотворённым. Так же и труд – соединяется множество людей, воля, мечт (или мечтов? лучше сказать – мечтаний), умений, материалов – и возникает новое. Вот ему и радоваться надо и прибыль делить так, чтобы радостно всем было. А если прибыли и радости на всех не хватает, то такое нерентабельное производство и затевать нечего было...»

Так подумал Ландаун и снова пошёл за капустой.

– Как-то Ландаун мягко в этот раз с Марксом обошелся, – задумчиво сказал Колян. – Даже не напомнил, что тот внук двух раввинов.

– Может, к слову не пришлось? – спросил я.

– Но главное-то не в этом.

– А в чем?

– Ты что, не помнишь, чем Ландаун всегда попрекал Маркса? – удивился Ланин. – Тем, что Маркс не заметил роли ростовщического банковского капитала.

– Попросту говоря, скрыл её! – усилил обвинение Колян.

– Сколько бы предприниматель не заработал на своих рабочих, – продолжал Ланин, – его прибыль имеет естественные ограничения производственного, материального характера. И управленческий труд предпринимателя необходим в производственной цепочке.

– А банкир разве не нужен? – недопонял я.

– Банкир никак не участвует в производственной деятельности, фактически он просто собирает дань как с рабочего, так и с предпринимателя, монополизировав доступ к финансам, при этом его прибыль может быть и 10 и 50%, а в 90-е годы ставка Центробанка России доходила до 200%.

– И почему же Ландаун об этом промолчал? – спросил я.

Собеседники посмотрели на меня с сожалением:

– Он-то не молчал, а вот ты записывал явно в меру своего непонимания.

Я ничего не ответил, но внутренне не согласился. Конечно, ростовщичество – это камень на шею экономики, однако Ландаун в записанном мной отрывке сделал другое, не менее

важное, открытие: нет никакого разделения труда, которое навязывают нам со времен Адама Смита, но есть объединение труда, сотрудничество. И это единственное устройство хозяйства, которое не противоречит счастью.

Экономика Ландаунов

Сын подошёл к Ландауну и предложил:

– Давай введём закон: ты мне будешь платить за мытьё посуды, а я на эти деньги покупать у тебя компьютерное время. Или телевизионное.

Ландаун усомнился: «Мой ли это сын или Аганбегяна? Нет, тот старый. Гайдар? Да вроде рядом не жили». Тогда Ландаун успокоился и решил посоветоваться с женой.

– А почему только компьютерное время? – сказала жена, – Салат на завтрак тоже надо оплачивать.

– Наобум цену назначим или учтём стоимость продуктов, затраченное время и получившееся качество?

– Хм, – задумалась жена, но от необходимости отвечать её уберегло появление дочки.

– Папа, а за пятёрки в школе тоже платить будешь?

– Обязательно, а за двойки вычитать.

– А по русскому и по физкультуре одинаково?

Теперь уже задумался Ландаун, но тут пришёл старший уточнить:

– А компьютерное время обязательно покупать у тебя? Вдруг в клубе дешевле будет?

А теща спросила:

– А пенсионерам льготы на просмотр телепередач будут?

– Стоп!!! – вскричал Ландаун. – Все сели на диван. Я вам расскажу одну историю.

В бурные годы реформ работал я в одной компании, директор которой свято верил в благо принципов конкуренции и хозрасчета. И дошел до того, что решил организовывать конкуренцию между отделами, а еще хотел, чтобы услуги они друг у друга покупали?

– Как это? – удивилась теща.

– Хочешь сделать ксерокопию – плати секретарше, составляешь договор – плати юристу, завис компьютер – выложи денежки системному администратору.

– И что из этого получилось? – спросил сын.

– Чем хуже работали компьютеры – тем больше получал системный администратор, а делать ксерокопии мы бегали через дорогу в почтовое отделение. А через два месяца компания обанкротилась, и директор первый подал иск в суд на взыскание задолженности по зарплате, сказав «я такой же наемный работник, как и вы».

– Мда, уж! – почесала затылок теща.

А Ландаун продолжал:

– Не во всякой сфере жизни хороши рыночные отношения. Могут конкурировать предприятия на рынке, но конкуренция частей (подразделений) целого (предприятия) – это все равно, что конкуренция между сердцем и желудком. Кто бы из них ни победил – организм погибнет. Когда клеточка организма начинает жить, не оглядываясь на тело в целом – медики называют это заболевание «рак». Ну, не может быть рынка в школе, ведь ее цель – не продажа знаний, а воспитание человека. Не может быть рынка в семье, рынок – это метод взаиморасчетов *среди чужих*. Неужели родители в кредит меняют пеленки детям, чтобы те через полвека подали им стакан воды?

– А разве это не так? – спросила теща.

– А любовь-то здесь где? А радость? А счастье? Так что давайте не будем расширять применение ограниченных по существу идей, от этого уже разрушилось уже много предприятий, семей, городов и государств. Вопрос в другом, – Ландаун посмотрел на сына.

– Кто и зачем подкинул мне эту идею? – догадался сын.

– Вот именно! – подтвердил Ландаун и как-то странно посмотрел на телевизор.

Тренировка

В доме отдыха Ландауна позвали делать зарядку.

– А, может, лучше в футбол поиграем? – предложил Ландаун. – Не люблю бессмысленно руками махать.

– Но ведь все так делают – убеждала его милая девушка-инструктор. – Спортсмены тренируются, солдаты в учебную цель стреляют, даже школьники перед контрольной задачки решают для тренировки. Разве это всё бессмысленно?

– Да нет, конечно. Но вот кошка... кто-нибудь хоть раз видел кошку отжимающейся или подтягивающейся? Бегающей на дальние или короткие дистанции для поддержания формы? Нет, кошка двадцать часов в сутки просто спит. Но ведь она всегда в форме! Брось её с третьего этажа – упадёт на лапы и побежит по своим делам. Самый зажавшийся домашний котяра вскочит на ствол дерева и ещё как припустит от пса. Как им это удаётся?

– Не знаю.

– Я думаю, что секрет в том, что кошка делает то, что хочет. Она не заставляет себя вставать через силу – её не ждёт на работе начальник, ей не надо отправлять детей в школу к 8.00. Но уж если она встаёт – то с каким удовольствием! Как она потянется всем телом, каждым суставчиком!

– Вот же! Зарядку делает! – обрадовалась девушка.

– Да зарядку, – согласился Ландаун. – Но как! Она же не тупо отжимается...

– Да далось вам это отжимание! – разгорячилась инструктор. – Не буду я вас заставлять отжиматься!

– Хорошо, хорошо, – успокоил её Ландаун, – Кошка... м-м... не приседает – а расправляет члены, облегчает кровоток. Она питает тело своё кровью. И просыпается в нём резвость, желание играть, веселиться. Вот что главное – не тренировать тело, а напитать его. Наше тело усталое – потому что голодное. Желудок набит, а до органов кровь не доходит – здесь зажато, там скручено.

– Но почему же тренировка помогает спортсменам добиваться результатов?

– Число мышечных волокон остаётся неизменным, даже если мышца увеличивается в объёме. Изменяется плотность кровеносных сосудов. У спортсмена мышца лучше напитана.

– Значит, надо тренироваться!

– Девушка, вам стыдно бывает?

– А что я такого сказала? – насторожилась инструктор.

– Да я не про то. Вам стыдно – вы краснеете. Так?

– Да.

– Т.е. кровь приливает к лицу. Так?

– Да.

– Значит, прилив крови можно устроить к любому органу и без его напряжения, – Ландаун прямо просиял от вдохновения.

– Ага! – девушка всё-таки заинтересовалась. – Значит, можно спать весь день, а вечером вскочить и побежать, как Бен Джонсон.

– Кошка так и делает.

– Это всё теория или кто-то так добился результатов?

– Я так зрение восстановил, – хмыкнул Ландаун, – это же система Норбекова... в кошачьем варианте.

– В разговоре с девушками наш друг Ландаун никогда не имел себе равных, – хмыкнул Колян, – посмотрел бы я, как бы он с этими аргументами выступил на кафедре физиологии.

– Как будто на кафедре физиологии нет девушек! – в ответ хмыкнул я.

– Девушки они после работы, на кафедре они – научные сотрудники, и если каждый прохожий будет их учить, как устроена мышца, то за что им деньги платят? А как только встанут материальные вопросы, от женичины не может быть пощады, – заявил Колян.

– Ты сначала женись, а потом о женичинах рассуждай! – поддел его Ланин.

– Когда женишься – рассуждать поздно! – ухмылялся Колян. – Вот кто из вас способен сказать жене правду хотя бы о ее стряпне?

– А я думаю, – вступила в разговор Соня Остроклювова, – что секрет убедительности доводов Ландауна для девушек именно в том, что он таких циничных мыслей о женичине себе бы никогда не позволил. Что ни говорите, при всей трезвости мышления он все-таки был романтик.

– Да-да, – вспомнил Ланин (он знал Ландауна дольше нас всех), – на свое первое свидание с Гюльчетай он притащил козла и сказал: «Я таким никогда не буду!»

– И чем дело кончилось? – заинтересовалась Соня.

– Это было их последнее свидание.

– Почему?

– Наавтра они поженились.

– Месяц же положен по закону на раздумье.

– А он тогда в армии служил.

– Дурак! – заключил Колян.

Ландаун и Демографический кризис

Как Ландаун изменил демографическую ситуацию в регионе? Наивный подумает, что речь о сексуальных приключениях нашего героя, но проницательный ум поймет, что эффективность управления зависит от появления в нужном месте в нужное время. Впрочем, по порядку.

1. Призрачная угроза

Ландаун прочитал в газете: «В средней российской семье только один ребенок». Три дня Ландаун считал и так, и этак, но все равно у него получалось, что каждое следующее поколение будет в два раза меньше предыдущего. Десятое поколение будет меньше в 1024 раза, т.е. через 200 лет русских, татар, башкир, удмуртов и т. д. всех вместе будет 100 тыс. человек. Если процесс не ускорится за счет ассимиляции коренным китайским населением.

«Е... лки-палки!» – подумал Ландаун и бросился в Министерство оргазмов и зачатия.

– А куда нам больше детей? – возразили ему. – Их и так миллион по приютам. Наша задача раздать наркоманам противозачаточные средства, чтобы хоть они не рожали.

И на ухо добавили:

– Меньше народу – меньше очередей к руководству, меньше долгов по зарплате. Суеты меньше. Понимаете?

«Х... озяйственники помогут! – догадался Ландаун. – Нужны же им трудовые ресурсы».

– А нас и китайцы устраивают, – сказали ему в ЗАО «Все продам инкорпорейтед». – Экономика для народа – это банально, это устарело давно. Наука говорит: народ для экономики. Китайцы, кстати, экономичней.

«П... ойду к ученым!» – решил Ландаун и зашел на сайт Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. Милые тетеньки улыбались с фотографий, а все их статьи и монографии оказались – на английском языке. «Это доклады... о проделанной работе! – понял Ландаун. – Надо идти в народ...»

2. Атака клонов

Собрал Ландаун всех женщин страны и произнес речь:

– Главное оружие народа в борьбе за выживание – это не водородная бомба, и не космические технологии, а... э-э-э... женские родовые органы. Ни один микропроцессор не рассчитает и ни один робот не сможет соткать ткани маленького человечка, а женщина может. Она же... как Бог! Вот цивилизованные страны построили рай на земле – а для кого? В Германии уже треть населения турки, и средняя турецкая семья имеет 3 детей (немецкая – 1-го). В Америке – 14 млн. китайцев и половина негров...

– Вы что расист? А мы лучше за негров замуж выйдем, – сказали женщины и разошлись.

– Погодите! – крикнул Ландаун, но ухватил за рукава только двух – молодую горожанку и пожилую колхозницу.

Молодая отрапортовала:

– Я жительница Казани, у меня три высших образования и использовать себя для разведения вам подобных трудовых ресурсов я не дам. Я пишу роман из жизни спонсоров и рекламодателей.

– Да кто ж его прочитает, если даже языка не останется?

– Я по-китайски напишу.

«Этого нельзя допустить, – подумал Ландаун, – это же вирус. Если и китайцы вымрут, потомки нам этого не простят. Некому прощать будет».

– А я, – сказала пожилая, – из села Ступино Рамонского района Воронежской области. Ко мне пристал мой – давай второго ребенка заведем. Я ему привязала подушку к животу и отправила пол подметать, чтоб почувствовал. Через пять минут передумал. Говорит, лучше клонироваться будем.

– Но ведь дети – это счастье, – пытался оправдаться Ландаун.

– Маленькие дети – спать не дают, большие вырастут – сам не уснешь, – подытожила крестьянка.

– Но ведь как-то народ жил и радовался! Детям, солнцу, весне... Китайцы и сейчас радуются.

– Значит, они лучше нас, пусть и живут...

3. Новая надежда

Ландаун устроился кондуктором в маршрутку и на перегоне «Компрессорный – Гаврилова» думал: «Иметь трех детей – за троих платить в автобусе, троих сводить в зоопарк, на речку, троих одеть, обуть, прокормить, троим сказку на ночь почитать – это же подвиг. Что может поднять людей на подвиг? Ради чего на подвиг пошли мои мать с отцом – всю жизнь строили, запасы на зиму делали, учили? Да они и не думали, что это подвиг. Ради чего мы с женой на это пошли? Ну, нам легче было на всем готовом. И все-таки – ради любви. Друг к другу, к детям, к роду своему, чтобы не прервалась ниточка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.